

К 83
Ц 27

ЦВЕТАЕВСКИЕ
НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ
В ТАРУСЕ

Выпуск 2

К 83
Ц 27

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ, КУЛЬТУРЫ И СПОРТА
КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ
МИНИСТЕРСТВО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ
ГУК «КАЛУЖСКИЙ ОБЛАСТНОЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ»
ТАРУССКИЙ МУЗЕЙ СЕМЬИ ЦВЕТАЕВЫХ

M 100 3765

ЦВЕТАЕВСКИЕ НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ В ТАРУСЕ

Сборник докладов, сообщений и тезисов

Выпуск 2

Калужская
обл. библиотека
им. В. Г. Белозерского

Местное
издание

ООО «Полиграф-Информ»
Калуга-2007

ББК 83.3(2)6

Ц27

Редактор-составитель:

Е.М. Климова, директор Тарусского музея семьи Цветаевых.

Ц27

Цветаевские научные чтения в Тарусе: Сборник докладов, сообщений и тезисов. Выпуск 2. — Калуга, 2007. — 144 с.

ISBN 978-5-93999-232-9

Цветаевские научные чтения проводятся в г. Тарусе один раз в два года (в рамках традиционных ежегодных Цветаевских праздников).

Данный 2-й выпуск сборника включает доклады и сообщения Цветаевских научных чтений 2005 г., представленные авторами в Тарусский музей семьи Цветаевых.

ББК 83.3(2)6

ISBN 978-5-93999-232-9

© Тарусский музей
семьи Цветаевых, 2007

НЕ ВОЗЬМЕШЬ МОЮ ДУШУ ЖИВУ!

**СИМПАТИИ-АНТИПАТИИ У МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ
В АСПЕКТЕ ДУХОВНОЙ НАУКИ РУДОЛЬФА ШТЕЙНЕРА**

Не возьмешь моего румянца —

Сильного — как разливы рек!

Ты охотник, но я не дамся,

Ты погоня. Но я есмь бег.

Не возьмешь мою душу живу!

Так, на полном скаку погонь —

Пригибающийся — и жилу

Перекусывающий конь

Аравийский!

(II, 251)

Это одно из стихотворений цикла «Жизни» 1924 года, где Цветаева всеми силами отстаивает у жизни свою самобытность, свое право оставаться только собой и ни при каких обстоятельствах не дать жизни сломить свою «душу живу». Одним из способов победы в этой схватке с жизнью она считает уход от всякой общности и технического прогресса к собственной душе и душам тех людей, что встречаются на ее пути. Наблюдение, самосознание, самоанализ и рост душевных и духовных сил через взаимоотношения с людьми в симпатиях и антипатиях — вот что становится главным источником, питающим ее творчество.

Почему я привлекаю к рассмотрению своей темы духовную науку Рудольфа Штейнера? Подробно о жизненных и творческих пересечениях Цветаевой с антропософией я уже писала в своей книге «Цветаева и Штейнер. Поэт в свете антропософии» (М.: «Присцельс», 1996 г.). Теперь возьмем из антропософии только один аспект: симпатии-антипатии в человеческих столкновениях. Что говорит об этом Рудольф Штейнер и насколько отвечают этому душевные события, протекающие у Цветаевой.

Еще раз подчеркнем, что сама она никогда не была учеником тайноведения, но многое из этой области могла почерпнуть в юно-

ети из своего антропософского окружения, и особенно от Макса Волошина — горячего поклонника и личного ученика Рудольфа Штейнера.

К тому же такой мощный общий источник как Гете, взрастивший и Штейнера, и Цветаеву, каждого независимо друг от друга, еще в их юности, задолго до личной встречи в Праге, мог послужить основой похожего мирочувствования как поэта, так и философа, и даже сверхчувствования (как это называется в антропософии).

Итак, что говорит духовная наука о проявлениях симпатий-антипатий в чувственном и духовном мире?

«Как судим мы сегодня о человеке, которого встречаем? — Задаст вопрос Рудольф Штейнер и отвечает на него:

— Он нам симпатичен, либо антипатичен. Посмотрите, как повсюду в мире в большинстве случаев это — единственное суждение... Предвзятые мнения! Представляют себе: этот человек должен быть, в сущности, таким-то и таким-то; обнаруживая, что человек в том или ином другой, ему выносят приговор... Симпатии и антипатии есть величайшие враги подлинного социального интереса».

Парадокс в том, что, с одной стороны, на симпатиях и антипатиях нельзя построить социальную жизнь, т.к. они беспрестанно искажают образы, представления людей друг о друге и этим препятствуют взаимному пониманию. Но, с другой стороны, говорит Штейнер, «симпатия входит в мир как сильная любовь, сильная воля, но она должна непрестанно освещаться пониманием, иначе бы мы развивались анималистически».

Рудольф Штейнер приоткрывает важную тайну — даже в любви, как это ни парадоксально, лежит источник антисоциальных импульсов:

«Может быть, когда полагают, что растворяются в переливающейся через край любви к какому-то человеку, в действительности любят не другого человека, а любят связанность с другим человеком в собственной душе. Любят, в общем, самого себя, разжигая это себялюбие в отношениях с другим. Это важная жизненная тайна».

Как, в отличие от этого, протекает любовь у Цветаевой? Конечно же, и здесь по-особому, по-Цветаевски! Она любит не ради себя, а ради другого человека:

«Моя любовь, — пишет она в дневнике, — это страстное материнство, не имеющее никакого отношения к детям». (НЗК, I, 305).

«Моя беда в том, что я всегда помещаю свою радость в самое существо человека (в самую сердцевину его), а не в стороне, той самой, которая является его собственным телом... Если бы я любила людей за те радости, которые они нам доставляют, если бы я могла относиться к ним, как к средствам своей радости, я поступала бы как все и была бы счастлива как все.

Моя беда в том, что я люблю существа ради них самих, из-за непосредственной раны от них. А не ради пейзажа, в котором они живут, и т.д.» (НЗК, II, 370)

«Над каждой любимой головой я видела — высшее: хотя бы голову — облака, и за это высшее всегда — внутри себя — отдавала все земные головы, свою включая». (НСТ, 509).

Здесь можно только снять шапку и преклониться перед необъятностью и гигантскими возможностями души поэта, которая не только сама устремлялась к своему высшему «я», но могла подтягивать за собой и других. (Вспомним одно ее, совсем раннее, утверждение: «Любить — видеть человека таким, каким его задумал Бог и не осуществили родители...»). (НЗК, I, 279).

Не к такой ли, почти бессамостной любви можно отнести слова Штейнера:

«В любви мы имеем пробуждение духовного в чувственном мире. Там, где рождается любовь и сочувствие — там чувствуется волшебное веяние духа».

Тут все дело в этом «сочувствии», которое присутствует в каждом Цветаевском отношении к другому человеку:

«Я ведь насквозь-сочувственна! Я не занимаюсь лизанием сливок (с меня их всегда лизали, оставляя мне обездушенную сывортку быта, топя меня в ней!)...». (НСТ, 149)

«Мое отношение к человеку — шест, которым я его — для себя же — подпираю. Я люблю, чтобы человек без меня стоял прямо». (НЗК, II, 261)

Цветаевой с ее безмерностью чувств было тесно в каждом ординарном отношении с человеком, поэтому она любила в людях не однородность с собой, а скорее чужеродность («страсть к чужести», как она это называла), чтобы был размах чувств, чтобы было

что открывать в любимом существе. В этой связи можно привести очень интересное, вызывающее к размышлениям, замечание Штейнера:

«Любовь, основанная на качествах самого любимого существа, не поддается никаким люциферическим влияниям. А любовь, основанная на качествах любящего существа, склонна к люциферическому влиянию. Это бывает, когда любимое существо обладает теми качествами, к которым склонен сам любящий по своей природе».

Не этим ли можно объяснить крепость супружеских отношений Марины Цветаевой и Сергея Эфрона? Основанные «на качествах самого любимого существа» с обеих сторон, их отношения не поддались никаким «люциферическим влияниям», до самого конца выдержав все испытания и искушения жизни.

Удивительно, как уже в 20-летнем возрасте она нечто особенное в своем внутреннем мире предчувствовала, как будто прошла хорошую духовную подготовку:

«Я буду счастлива, я знаю, что существенно и не существенно, я умею удерживаться и не удерживаться, у меня ничего нельзя отнять. Раз внутри — значит мое. И с людьми, как с деревьями: дерево мое — и не знает, так же человек, душа его. Со мной даже бороться нельзя: я внешне ничего не беру и никто не знает, как много — внутри». (VI, 106)

Через двадцать лет, в письме к Ю.Иваску, она говорит о своих чувствах уже в духовнонаучной терминологии:

«Чувство у меня всегда было умное, т.е. зрячее, поэтому всю жизнь упреки: Вы не чувствуете, Вы — рассуждаете. Если чувство есть слепость — я никогда не чувствовала.

(Das Gefuehl seiner Jugend ist schon uebersinnliche Jugend. — Чувство своей юности — это уже сверхчувственная юность). Все мои Gefuehle были uebersinnlich (сверхчувственны), потому-то они и были Gefuehle». (VII, 400)

Из всего сказанного видно, как далеко все это превосходит простую эротику. Но доверчивый читатель легко мог бы обмануться, читая следующее признание Цветаевой:

«Я ничего не искала в жизни (вне жизни мне все было дано) кроме Эроса, не человека, а бога, и именно бога земной любви. Искала его через души». (НСТ, 271)

Насчет Эроса в другом месте делает следующую оговорку:

«Есть, очевидно, иной бог любви, кроме Эроса. — Ему служу».
(НЗК, II, 295)

Оговорка очень показательна для уяснения Цветаевского отношения к полу. Она, как и Штейнер, считала, что «пол, это то, что должно быть переборото, плоть, это то, что я отрясаю».

Und diese himmlische Gestalten

Sie fragen nicht nach Mann und Weib —

цитирует она Гете. (И силам неба все равно

Ты женщина или мужчина.)» (VII, 530)

В ее дневнике можно найти размышления и на тему пола. И здесь ее позиция неординарна, исключительна, с полным доверием своему высшему «я»:

«Подумать о притяжении однородных полов. — Мой случай не в счет, ибо я люблю души, не считаясь с полом, уступая ему, чтобы не мешал» (НЗК, II, 108).

«Единственная любовь, от которой потом не тошно, это любовь вне пола, любовь к другому во имя его. — Остальное — обман, туман» (НЗК, II, 48).

Если говорить еще точнее, то Цветаева в отношениях с людьми больше доверяла дружбе, но на свой лад, называя ее «любовью без низости» (НЗК, I, 354).

Вот как выглядит ее шкала ценностей:

«Я дружбу ставлю выше любви, не я ставлю, стоит выше, просто: дружба стоит, любовь лежит». (НЗК, I, 131)

Таким образом, творец, стоящий выше разделения полов, утверждает основой творчества — дух, то, что вне пола:

«Пол, это разрозненность, в творчестве соединяются разрозненные половины Платона... А разве не ангелы в нас творят?!» (VI, 530)

Вернемся еще раз к утверждению того, что Цветаева свои симпатии и очарования ясно осознавала.

«Не дал мне Бог дара слепости!» — с некоторой долей горечи констатировала она (VI, 436).

Так же и любовь ее никогда не была слепа.

«Нет, — писала она Колбасиной-Черновой, — любовь зряча и заставляет видеть» (VI, 736).

Как это удается осуществлять?

Тут на помощь мы опять призовем духовную науку, которая вопросы симпатий-антипатий рассматривает из глубины человеческого «я».

«Посредством наших моральных идеалов, — пишет Штейнер, — которым инстинкты антипатичны, мы должны влить в них антипатию. Моральное развитие всегда несколько аскетично. Аскеза здесь означает упражнение в преодолении анималистического...»

Человек не был бы в такой мере эмансипирован от окружающего его мира, если бы не испытывал к нему больше антипатии, чем животное (у которого гораздо больше симпатии к своему окружению и потому оно больше срослось с ним)...

Как это ни удивительно звучит, но все, что относится к представлению, пропитано антипатией. При взаимной нейтрализации симпатии и антипатии совершается акт зрения».

Все эти процессы, подчеркивает Штейнер, обычным сознанием не охватываются. У Цветаевой некоторые намеки на то, как господствовать над своими инстинктами, можно найти, и выражены они, конечно, ее лаконичным языком:

« — Я и Инстинкт. —

Душа у меня заела инстинкт, вернее: мой инстинкт — это Душа!» (НЗК, II, 41)

Коснемся вкратце антропософии и скажем, что человеческая душа, по учению Штейнера, так же неоднородна, как и весь человек. Она состоит из души ощущающей, души рассудочной (или характера) и самой высокой ее части — души сознательной.

Человеческое «я» господствует над всей душевной жизнью человека, но полностью раскрывает себя лишь в высшем члене души — в душе сознательной. Сознательно работая над преображением своего существа, человеческое «я» поднимается в еще более высокую часть человека — к его духу.

У Марины Цветаевой в ее самых доверительных письмах и дневниках можно найти много собственных наблюдений над соотношением в человеке духа, души и тела — тем, чем собственно и занимается антропософия.

Итак, душа является тем полем, на котором развивается дух, или высшее «я» человека. Но это поле под названием «челове-

ская душа», наделенное способностью давать рост ввысь, может также легко произрасти и другими немислимыми ростками. Здесь очень примечательны Цветаевские наблюдения:

«Отсутствие духовности у женщин. Главный враг духа не тело, а душа», (НЗК, I, 181) — отметит она мимоходом в дневнике. А в ее письме к Тесковой можно найти эту же мысль, но в уже додуманном виде:

«Сердце разрастается в ущерб душе, душе совсем нет места, отсюда естественное желание — умереть: не не быть, а смочь быть» (VI, 352).

В другом месте отметит в скобках:

«(К сердцу — отношу любовь к родителям, жалость к животным, все элементарное. К душе — все беспричинное болевое)» (VI, 430).

Еще одно ее, как она говорит, «физическое ощущение»:

«Дух — ввысь, душа — вглубь» (НЗК, I, 181).

Но в другом месте выскажет мысль, почти формулу, из которой следует, что далеко не всем дано ощутить это движение ввысь так, как ей, потому что:

«Бог (магнит) некоторых забыл снабдить сталью» (НЗК, II, 289).

Здесь можно слегка коснуться вопроса, почему Цветаева не нуждалась в каком-либо искусственном усилении душевных способностей, т.е. категорически отвергала для себя всякие психостимуляторы (наркотики, спиртное и т.д.). Известно, как грешили и грешат этим многие творческие и особенно гениальные натуры. Она однажды задается этим «коварным» вопросом об опиуме:

«Почему — ни разу, никогда? — спрашивает она.

Вот ее ответы:

— «Мне не нужно».

— «Мне и так хорошо. Если опиум — более я, чем я — не хочу опиума».

— «Я и так — более я, чем я...» (НЗК, II, 164)

Духовно имущая, не дающая заснуть своему высшему «я», Цветаева уступает это зелье другим, неимущим:

«Нельзя же обкрадывать нищих», — резюмирует она.

Итак, можно сделать некоторые выводы. Собственный духовный опыт Цветаевой — это ее сознательная жизнь одновременно в

двух мирах: чувственном и сверхчувственном. Природу Цветаевского чувства любви нам помогает понять не что иное как духовная наука Рудольфа Штейнера, одним из утверждений которой является следующее:

«Для сознательной жизни в верхних мирах душе необходимо иметь одно влечение, которое не может быть раскрыто в нижних мирах. Это — влечение отдаться тому, что переживаешь. Нужно уметь совершенно окунуться в переживание, слиться с ним воедино. Довести это до такой степени, чтобы узреть себя вне своего собственного существа и почувствовать себя внутри другого существа....»

Это превращение, это вчувствование в других существ и есть жизнь в сверхчувственных мирах. Через такое превращение человек замечает свою родственность с одним существом и отдаленность с другим. Так выступают симпатии и антипатии.

Если в чувственном мире симпатии и антипатии различаются только по их силе, то в духовном — еще и по многоцветию (как краски). Причем антипатия там не отвращает, а только отличается по цвету...».

Цветаевскую любовь надо понимать отнюдь не так, как ее понимает большинство людей. У Цветаевой это особый сверхчувственный процесс с полной душевной самоотдачей тому существу, которое становится объектом ее обожания. Это полнейшее внутреннее единение с ним в сверхчувственных мирах. Духовная наука разъясняет, что такое единение, когда чужую боль уже не отличаешь от своей, и становится основой для подготовки ясновидческого сознания.

«О, Господи, — замечает Цветаева, — при моем умении — даре — страсти — наблюдать и определять — (созерцать и ваять) — никакое страдание не страшно, кроме чужого! (Другому больно, другой голоден и т.д.)

Я больше скажу: своего страдания — нет» (НЗК, II, 48).

ПРИМЕЧАНИЯ

Штейнер Р. Об антихристианских подосновах национализма, сегодняшних бедствиях души и трех главных задачах нашей эпохи. — М.: Evidentis, 2002. — С. 17.

Штейнер Р. Общее учение о человеке как основа педагогики. Учебный курс лекций для преподавателей Свободной вальдорфской школы, прочитанный 21.VIII — 5.IX.1919 в Штутгарте. — М.: Парсифаль, 1996. — С. 64

Штейнер Р. Основное социальное требование нашего времени — в изменившихся условиях нового времени. Лекция от 6 дек. 1918. (Полн. собр. соч. №186). — Дорнах: Изд. Р.Штейнера, 1918

Штейнер Р. Порог духовного мира. — Ереван: НОЙ, 1991. — С. 128.

Штейнер Р. Порог духовного мира. — Ереван: НОЙ, 1991. — С. 137.

Штейнер Р. Общее учение о человеке как основа педагогики: Учебный курс лекций для преподавателей Свободной вальдорфской школы, прочитанный 21.VIII — 5.IX.1919 в Штутгарте. — М.: Парсифаль, 1996. — С. 63-64.

Штейнер Р. Порог духовного мира. — Ереван: НОЙ, 1991. — С. 123-124.

Ссылки в тексте даются на издания:

1. *Цветаева М.* Собр. соч. в 7 т.т. / Сост., подг. текста и коммент. А. Саакянц и Л. Мнухина. — М.: Эллис Лак, 1994-1995 — (в тексте указ. римскими цифрами — номер тома, арабскими — страницы).

2. *Цветаева М.* Неизданное. Сводные тетради / Подг. текста, предисл. и примеч. Е. Коркиной и И. Шевеленко. — М.: Эллис Лак, 1997. — (изд. обозначается НСТ).

3. *Цветаева М.* Неизданное. Записные книжки. В 2 т. / Сост., подг. текста, предисл. и примеч. Е. Коркиной и М. Крутиковой. — М.: Эллис Лак, 2000-2001 — (изд. обозначается НЗК, указ. римскими цифрами — номер тома, арабскими — страницы).